

В. Г. КОСТОМАРОВ,

академик РАН, доктор филологических наук, профессор,
Почетный президент Института русского языка и литературы
им. А. С. Пушкина

ЯЗЫК В СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Совет Европы рекомендует развивать *плюрлингвализм* отдельных людей и *мультилин-*

гвализм их сообществ². Многоязычный человек, скажем, француз, обычно свободно говорит по-английски и может обратиться несколькими необходимыми фразами к своему собеседнику на

¹ Доклад представляет собой часть исследования «Лингвострановедческая концепция коммуникации», выполняемого в соавторстве с Е. М. Верещагиным по гранту РФФИ № 99-06-80315.

² Handbook «European Year of Languages 2001». Strasbourg, 2001.

его языке, будь то немец, испанец, итальянец, швед, даже грек и турок или русский (ибо популярен туризм в Грецию и Турцию, а «новые русские» наводнили Европу). Плюрилингвализм существен в гуманистическом отношении, воспитывая гражданскую демократическую толерантность: человек, научившийся ценить несколько разных языков, легче преодолевает и шовинизм, и ксенофобию. На стремлении к многоязычию сказывается и возраст: в молодости хочется уметь спросить «Как тебя зовут?» на разных языках, а свежая память позволяет этого добиться.

Если индивид объясняется на десятке языков, то уровень владения каждым из них — это ясно априори — не может быть одинаково высоким. Содержательной основой коммуникации тут оказываются элементы общеевропейской или даже всемирной *цивилизации*. Несмотря на способность как-то объясниться, прочитать вывеску, объявление, даже газету, эти десять языков, как подсказывает немецкий термин *Fremdsprache*, остаются «чужими». Овладевая новой внешней формой, получая возможность переходить от одного кода к другому, человек ничего не прибавляет к своей духовности. В этом, видимо, и состоит цель утилитарных проponentов концепции плюрилингвализма — обеспечить общение на *для всех одинаковой* содержательной основе.

Однако нередко случается, что человек по некой важной причине выбирает для себя на определенный, обычно продолжительный период жизни какой-то один иностранный язык и вживается в него настолько, что перестает воспринимать его как чужой. Он начинает постигать духовность другого народа, понимать, ценить соответствующую *культуру*. Он в известной мере отождествляет себя с народом, носителем полюбившегося языка и культуры. Когда одновременно с изучением языка соизучается произведенная и выраженная на этом языке культура, язык становится своим, то есть осваивается, присваивается или, если воспользоваться громоздким варваризмом, интериоризируется.

В таком случае следует говорить о феномене *билингвизма* (или в духе терминов творчества Комитета образования Совета Европы *билингвализма*, или в согласии с русской традицией *двуязычия*), под которым понимается овладение и владение вторым языком как родным. Это бывает характерно и для многоязычного (плюрилингвистического) человека, объясняющегося на десятке иностранных языков, но полно владеющего лишь одним из них. Двуязычие тесно увязывается с бикультуризмом: овладевая вторым языком

на паритетных началах с родным, человек проходит и вторую аккультурацию и даже приобретает способность иначе мыслить.

Если русский глубоко освоил два неродных языка, например, овладел «на равных» английским и французским, то надо говорить по отдельности о его французско-русском и англо-русском двуязычии, а не о триязычии (трилингвализме). Кстати, русского, способного объясниться не на многих, но лишь на одном языке, которого он по-настоящему не знает, следовало бы именовать плюрилингвалистичным, а не билингвистичным. Важна глубина владения языками, а не их число.

Англомания русского дворянства, когда Степа и Катя именовались Стивом и Кити, или русофильство немцев, когда было модно приписать себе отчество (Райнер Осипович), обычно сопровождаются оценочными обертонами. При одержимости одним языком оборотной стороной дела бывает инстинктивный, а потому упорный отказ от другого иностранного языка. Впрочем, билингвализм отнюдь не обязательно препятствует плюрилингвализму, что доказывают многочисленные полиглоты. Общественное сознание ценит углубленность выше поверхностности, но в то же время полагает, что много лучше одного. Наконец, если франкомания, англомания или американомагия превращается в «чужебесие», то под ударом может оказаться родная культура и родной язык. Правда, это уже иная тема — переход на другой язык, другую ментальность, культуру, образ жизни, как то часто наблюдается в эмигрантских, особенно смешанных семьях, или повальная увлеченность общества в целом каким-то чужим языком, чужой культурой и ее языком.

Лингвистическая философия не знает окончательных приговоров: психомыслительная деятельность человека, с опорой на язык или невербальная, остается тайной. Общую теорию можно выстраивать, лишь опережаясь изучая конкретные факты. Рассмотрим два конкретных случая двуязычия.

Давид Иванович де Будри, который был профессором французской словесности в Царскосельском лицее, не мог нахвалиться своим воспитанником: «Он проникателен и даже умен. Крайне прилежен, и его приметные успехи определяют ему место среди первых по французскому языку»¹. Федор Матвеевич Гауеншильд, профессор немецкой словесности в том же лицее, напротив, давал самые

¹ *Жизнь Пушкина*, рассказанная им самим и его современниками. М., 1988. Т. 1. С. 151.

отрицательные отзывы: «Кажется, он никогда не занимался немецким до поступления в лицей, и, кажется, не желает делать этого и сейчас... Мало успехов, не прилежен»¹; он даже подавал жалобу на своего ученика самому министру просвещения. В Табели об успехах 1812 года даны также полярные отзывы: относительно немецкого языка — «ни мало не успеваает», относительно французского — «2-й ученик» (первым был «всегда первый из первых» будущий министр иностранных дел и канцлер Российской империи, светлейший князь Александр Михайлович Горчаков).

Лицеист Пушкин, а это именно он заслужил процитированные отзывы, блистал на уроках французского, имел от соучеников прозвище «француз», с малолетства писал по-французски стихи, в бытовом и ученом разговоре часто сбивался на французский, вел на нем переписку и по вопиющему контрасту еще лепил слова на немецком. Понятно, что благосклонный к нему де Будри отмечал выдающуюся одаренность Пушкина, но и отнюдь не расположенный к нему Гауеншильд не отрицал такой одаренности, а отставание объяснял исключительно нежеланием: «С огорчением вижу, что этот ученик, одаренный в высшей степени проницательностью и памятью, упорствует в равнодушии к моему предмету... Если бы он захотел на это (на изменение отношения к немецкому языку — В. К.) решиться, он сделал бы успехи самые быстрые, будучи очень одаренным проницательностью и памятью»².

Причиной успехов Пушкина во французском языке явилась, несомненно, его приверженность французской культуре и литературе; ее не поколебало даже нашествие Наполеона. О его любви к французской словесности вспоминал товарищ поэта по лицу С. Д. Комовский: «Ему стоило только прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без малейшей ошибки. Будучи еще двенадцати лет, он не только знал на память все лучшие стихотворения французских поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимыми занятиями Пушкина, в которых он наиболее успевал. По другим же предметам всегда находился в числе последних воспитанников второго разряда и при выпуске из Лицея получил чин 10-го класса»³.

¹ Там же. С. 152, 155.

² Там же. С. 152, 154.

³ Там же. С. 190.

Причиной неуспеха в немецком языке у человека, имеющего ярко выраженные способности к языкам, явилось отсутствие интереса к немецкой культуре. «Немецкий язык не полюбился Пушкину. Несмотря на то, что лицеистов обязывали говорить по-немецки, несмотря на пример и внушения Дельвига, он почти вовсе не знал этого языка»⁴.

Рассмотрим другой исторический случай. Побывав весной 1899 и летом 1900 года в России, Райнер Мария Рильке всей душой увлекся ею. В письме к Л. О. Пастернаку от 5 февраля 1900 года он писал: «А теперь прежде всего доложу Вам, что Россия для меня оказалась отнюдь не преходящим событием, и я, начиная с августа прошлого года, почти исключительно занят тем, что изучаю русскую историю, искусства и культуру и, не на последнем месте, Ваш прекрасный, несравненный язык. Я еще не говорю, но все же без труда читаю ваших великих (столь великих) поэтов! И какая же это радость читать в оригинале стихи Лермонтова или прозу Толстого! Что за наслаждение»⁵.

Характерно, что Рильке изучает русскую культуру преимущественно по-немецки, но только русский язык дает ему возможность этой культурой наслаждаться. Во время второго посещения России он пишет письма уже по-русски, а вернувшись в Германию, разражается огромным русским письмом к писательнице С. Н. Шиль (1861–1928): «Многоуважаемая милая София Николаевна! Не испугаетесь: это я! Я начинаю писать вам на русском языке. Сказал: начинаю, потому что не известно, могу ли я продолжать в этом роде до самого конца». Рильке смог, осилил огромный текст. Позже он писал и другим адресатам, нередко перемежал письма на родном немецком языке обширными русскими вставками, например: «Как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувства, которое сейчас главное чувство моей жизни: “тоска”. Что это: Sehnsucht?... Bangigkeit, Kummer des Herzens bis Langeweile... По-моему, ни одно из десяти слов не дает смысл именно тоски. А ведь это потому, что немец вовсе не тоскует, и его Sehnsucht вовсе не то, а совсем другое сентиментальное состояние души, из которого никогда не выйдет ничего хорошего. Но из “тоски” родились величайшие художники, богатыри и чудотворцы русской земли»⁶.

⁴ П. И. Бартоломеев. О Пушкине. Страницы жизни поэта. М., 1992. С. 784.

⁵ *Rilke und Russland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte.* Berlin und Weimar, 1986, № 26; перевод наш.

⁶ Там же. № 112. С. 291.

В поэзии Райнера Осиповича (так он сам себя называл и настаивал, чтобы так звали его и друзья) многое вдохновлено и прямо посвящено России, в его стихах немало русских слов и словосочетаний. Наконец, он сочинил на русском языке несколько стихотворений, поэтическая ценность которых очевидна: «Теперь молчание свое слышу я. Оно растет, как в ночи страх: Темнеет, как последний “ах” Забытого умершего ребенка»¹. Рильке делает громадные успехи в освоении чужого языка исключительно потому, что его до глубины души покорила русская культура. Он наслаждался русским языком, пытался сделать его поэтическим средством самовыражения, потому что его захватила российская духовная жизнь рубежа XIX–XX вв.

Из анализа двух приведенных примеров² вытекает вывод, который может быть, конечно, оспорен как единственное и безусловное условие двуязычия. Сильнейшим мотивом усвоения иностранного языка до степени билингвализма является (нередко опережающая изучение языка) влюбленность в национальную культуру, которая сложилась и выражается посредством этого языка. Если этого мотива нет, если вместо любви — безразличие и тем более ненависть, человек не научится языку, даже под угрозой наказания. В лучшем случае он овладеет речевым механизмом, имя которому — плюрилингвализм.

Человек, способный на каком-то иностранном языке поздороваться и снять номер в гостинице, вряд ли получает прирост в своей духовности. Он остается чужд стоящей за этим языком национальной или, как сейчас у нас чаще говорят, этнической культуре. Само явление плюрилингвализма возникает на базе наднациональной цивилизации. Ключевые понятия *культура* и *цивилизация* заслуживают подробного рассмотрения. Они то сливаются, то противопоставляются; традиционно их различают немцы, закрепляя за цивилизацией достижения в политической и социальной жизни, в экономике, технологии, точных науках, а за культурой — духовную жизнь, искусство, религию. Иногда и культуру, и цивилизацию оценивают в равной мере положительно, иногда же цивилизацию проклинают; уже В. А. Фон Гумбольдт неодобрительно противопоставлял цивилизации «органичную культуру».

¹ Rainer Maria Rilke. Gedichte. Moskau. S. 494.

² В связи с ними не могу не вспомнить еще и моего покойного друга Милосафа Бабовича, который, прочитав на фронте «Войну и Мир» Л. Толстого по-сербски, по его словам, понял, что «не сможет жить не перечитав Льва Толстого по-русски»; как вы знаете, он стал выдающимся профессором русской литературы.

Сила культуры в одухотворенности, без нее она обращается, по мнению одного философа, «в изоциреннейшую технику — в цивилизацию: полезную, удобную, аморальную, пустую... Торможение воображения... угрожает заменой культуры техникой цивилизации, прикрываемой великими лозунгами человеческого оптимизма и самодовольства, а также сопровождающей эту цивилизацию великой суетой в пустоте, за которой неминуемо следует ощущение бессмысленности существования со всеми вытекающими отсюда последствиями: усталостью, поисками опьянения, скрытым страхом, нравственным безразличием и прочими продуктами цинизма и свирепости»³.

Приверженцы космополитизма и глобализации не видят перспектив для национальных культур отдельных стран и народов и провозглашают триумф их слияния в единой безликой наднациональной цивилизации. Оптимальный человек будущего рисуется как высоко цивилизованная, равноудаленная от всех национально-культурных корней, свободная личность «открытого общества» без эмоциональной родины и других «пережитков».

Различие между культурой и цивилизацией проявляется в их отношении к развитию человечества. Цивилизация вплетена в прогресс, а к культуре понятие прогресса вряд ли однозначно применимо. Подлинный факт культуры (совершенная скульптура, художественное произведение, ритуал и т. д.) не подвержен старению. Культура определяется традициями и вкусом. Культура — это когда человек изменяет себя, цивилизация — когда он что-то меняет для себя. Факты цивилизации преходящи и, сыграв свою роль в улучшении жизни, постоянно и бесконечно заменяются более удачными, совершенными, экономичными. Цивилизация, особенно наглядно в достижениях техники, синонимична обновлению, модернизации.

Любопытно, что факты цивилизации достаточно часто становятся фактами культуры, но лишь тогда, когда теряют свою функциональную значимость и только напоминают, скажем, о приоритете нации в их изобретении. Если они остроумны или ценны в историческом и эстетическом отношении, то их сохраняют в качестве музейных экспонатов, назидательных памятников былого искусства и экономических свершений. На Елисейских Полях в Париже, наверное, многие видели Музей автомобилей. Первые французские, немецкие, итальянские машины, пройдя этап насмешек, на фоне нынешнего общечеловеческого их совершенства вдруг оказались, ког-

³ Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 116–117.

да ими нельзя всерьез пользоваться, памятниками национальных культур.

Вся культура, искусство, музыка, театр, беллетристика существуют как бы ради самих себя; цивилизация, техника, экономика, торговля, в значительной части наука — ради полезности, ради практических, повседневных удобств жизни. Это и проясняет превращение отдельных фактов цивилизации в культурные, когда они оказываются функционально превзойденными, теряют свою роль в прогрессе. Если они остроумны или ценны в историческом и эстетическом отношении, то их сохраняют в качестве музейных экспонатов, назидательных памятников былого изобретательства и экономических свершений.

Цивилизация пронизана рационализацией и интеллектуализацией, она с очевидностью облегчает практическое существование, производство, быт. Однако только культура с ее природной, воздействующей на подсознание иррациональностью ведет к истинному «наслаждению» (вспомним Рильке!), приближает нас к познанию сокровенного смысла жизни. Именно поэтому говорят о вечности искусства, о непреходящей ценности совершенных произведений музыки, живописи, поэзии. Важные цивилизационные оценки логико-понятийной определенности, математического анализа, утилитарной пользы, экспериментальной проверки здесь неприменимы.

Особо следует вновь подчеркнуть этническую обусловленность культуры — в отличие от цивилизации, тяготеющей к выходу из своих национальных рамок, к унификации достижений, в какой бы стране они первоначально ни появились, то есть к универсализации, интернационализации, глобализации.

В предлагаемом различении культуры и цивилизации нет романтики иррационального, субъективного, как нет и попытки умалять значение объективного, материалистического. Во многих узлах цивилизация, тяготеющая к глобализации, и культура, держащаяся за этническую самобытность, переплетаются, дополняют друг друга, обеспечивая нормальную жизнь ойкумены — с ее вечным противоборством исторически усиливающихся интернациональных связей и этнических, религиозных, языковых, многих иных своеобразий. Культура рождает духовность, без которой жизнь человека лишается смысла, как бы благополучна она ни была в материальном отношении. Цивилизация же всегда ведет к секуляризации: даже будучи многоконфессиональной и не отрицая Бога, она не признает понятия греха и на практике атеистична, вплоть до десакрализации религиозных ценностей и сакрализации таких

своих идолов, как эзотерика и сатанизм, секс, деньги, насилие, цинизм.

В последнее время на передний план выходит и такая имманентная «черта» цивилизации, как культ аморальной вседозволенности, неумеренной жажды нивелировать культуры во имя доходности. Наряду с призывом агрессивной рекламы Just Do It, по всему миру наблюдается распространение якобы всеобщей «массовой культуры» американского замеса. Глобализация все более синонимизируется с американизацией; она, как заметил лидер движения евразийцев, философ А. Дугин в беседе на Радио России 27 марта 2002 года, противостоит диалогу всех культур.

Представляется, что в этой разногласии мнений некоторый порядок может навести различение плюрилингвализма и билингвализма. Первый можно связать с цивилизацией и даже с бурно развивающимся глобализмом, а второй — с этническим своеобразием, с богатством национальных культур. В таком понимании культура сопряжена с билингвализмом, а цивилизация — с плюрилингвализмом.

Наступление на национальные культурные ценности ведется даже тогда, когда они никак не мешают ускоряющемуся продвижению катка глобализации. Об этом свидетельствуют, в частности, попытки заменить все системы письменности, в том числе кириллицы, одной-единственной — латиницей.

В конце лета 2001 года ряд газет как по сигналу выступил с инициативой заменить латиницей традиционную русскую кириллическую «гражданку». Член Российской академии наук С. А. Арутюнов, например, писал в «Независимой газете» от 7 августа 2001 года: «Глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном итоге приведет к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдет и русская письменность. Кириллица устарела уже и для славянских языков. Даже в Болгарии, на родине кириллического алфавита, и то сейчас звучат голоса о необходимости перехода на латиницу. Препятствует тому идея русской великодержавности. Идея какой-то особенности России, особенности русского пути, евразийства и так далее. Это вредная идея, реакционная. Россия должна интегрироваться в Европу. И одним из необходимых условий этого, по моему глубокому убеждению, является перевод письменности всех народов России на латинский алфавит». Автор упрекает русский народ в отсталости: «К сожалению, судя по настроению некоторых, русский язык перейдет на эту графику, видимо, одним из последних, что приведет лишь к тому, что другие, неславянские, народы России будут опережать

русский народ в своем цивилизационном развитии». Заведующему отделом Кавказа в Институте этнологии РАН, каковым является автор, резоннее было бы начать с требования латинизации армянской или грузинской письменности, но ни армяне, ни грузины этого отнюдь не хотят. Явно предпочитают оставаться в своей традиционной культуре греки, евреи, арабы, японцы, китайцы и многие другие.

Не вдаваясь в полемику (исчерпывающую ответе адвокатов глобализации дали ака-

демик О. Н. Трубачев, В. М. Алпатов и другие), скажем лишь, что неумеренность цивилизации или глобализации в, строго говоря, безразличных для нее вопросах представляет собою реальную угрозу для национальных культур. Покушение на тысячелетние традиции тем более бессмысленно, что именно прогресс цивилизации способен решить (да и уже решил!) возникающие технические проблемы. Культура не должна приспосабливаться к технике, а техника, действительно, должна ей служить.